

СКУССТВО

тать в его книге «Жизнь художника», вышедшей в 1955 году.

Б. И. Николаевский, написавший после войны вместе с Д. Ю. Далиным книгу о советских концлагерях, бывший при жизни и «изменником» и «отщепенцем», почтительно назван Зильберштейном известным историком русского революционного движения.

У покойного Б. И. Николаева были собраны богатейшие архивы, и чтобы подобрать к ним, Зильберштейн не считался на лезть.

В письме Капицы, Леонова, Эренбурга, Шостаковича, Улановой, Коненкова тоже нет ни слова об «изменниках» и «предателях». Эмиграция представлена вполне лояльной по отношению к коммунистическому режиму, хотя о режиме нет ни слова в иезуитской формулировке, согласно которой эмигранты «изменили отношение к нашей стране».

К стране нашей политический эмигрант как относился, так и относится: страну любит, а режим отрицает.

Если эмигрант изменил отношение к режиму, то он уже не эмигрант, а сопатриот.

Авторы письма это прекрасно знают.

Знают они и о судьбе архивов, возвращенных на родину. Им, надо полагать, известно о секретных фондах, где погребено немало ценнейших документов.

А кто еще может поручиться, что некоторые документы не уничтожаются КГБ? Где, на пример, ценнейшие русские политические архивы, вывезенные из Праги после занятия ее советской армией?

Судьба литературных архивов тоже вызывает беспокойство. И пользуются ими далеко не все литературоведы.

Одним литературоведам открыт доступ почти ко всем материалам, другим только к незначительной части их, третьим доступ просто закрыт.

Материалами секретных фондов вообще могут пользоваться только члены партии.

Сведений об этом достаточно.

Вот столица одной из республик. В столице — Институт литературы и языка. Старший научный работник института не имеет доступа к архиву. Нужна книга писателя-эмигранта, в фондах имеющаяся. Не дают. Когда удалось попасть за границу в группе научных работников, при встрече с литератором — эмигрантом этот научный работник просит прислать книгу, сказал:

— Возможно, что проскочит...

Ученый, академик. Пишет книгу. Нужен номер иностранного журнала. Должен в письменной форме просить разрешения просмотреть журнал. Выдают под расписку — и только один номер. Вынести из архива права не имеет.

Литературоведу нужен первый том собрания сочинений Гумилева, изданный за границей. Спешьбается со знакомым литератором — эмигрантом, просит прислать. Книга возвращается посланному ее со следующим штампом на французском языке: «Эта книга не имеет права циркулировать по Советскому Союзу, и она не имеет права быть возвращена в Советский Союз».

В секретном книгохранилище она наверно есть, но литературоведу ее не получить.

А если бы и получил?

Чтобы создать нужный облик реабилитированного писателя — эмигранта, цитируются только отдельные письма или выдергиваются из писем отдельные фразы или клочки фраз.

Бесчинствовать тем легче, что писатели — эмигранты реабилитируются, как правило, по смерти: ни протестовать покойный писатель не может, ни изболтать во лжи, в передергивании и подтасовке фактов.

Если адресат, к которому реабилитированный обращается в письме, сам еще не реабилитирован или не может быть реабилитированным, то имя его просто опускается.

Цитируются выдержки из писем, а к кому письмо — неизвестно.

Так было с письмами Цветаевой к известному зарубежному поэту. Письма были переданы в архив одного из американских университетов, а из

университета (надо полагать, только в копиях) попали в московский архив. Очевидно, в порядке «культурного обмена».

Не упоминается, кстати, и университет, где письма хранились десять лет.

В порядке того же обмена отдал ценнейшие рукописи Чехова и Толстого другой известный американский университет.

Какова их судьба?

Думаю, что эмигрантам, располагающим ценными политическими или литературными архивами, нужно сделать так, чтобы архивы их действительно сохранились для России, а не погибли в секретных фондах.

В. Самарин

ПАМЯТНИК ПИСЬМОНОСЦУ

На чугунной плите изображен парень в народном убранстве.

Оригинальный и, возможно, единственный в мире памятник письмоносни создал неизвестный мастер — художник и литейщик. Такие посылные письмоносни, или попросту «послы», в прошлом веке доставляли почту Федор Фекета ходил из Ужгорода в Трянскую долину. В дождь и стужу, пешком. Трудная должность, но Фекета был исключительно исполнительным и к своим обязанностям относился очень прилежно. В знак большого уважения земляки почти 130 лет назад увековечили его память в металле. Плита с изображением Федора Фекеты прикреплена к стене одного из старинных домов в закарпатском селе Туря - Ремета.

Литературные заметки

Сохранить для России

В еженедельнике «Литературная газета» (№4, 1967 г.) опубликовано письмо группы деятелей культуры за подписями академика Капицы, писателей Леонова и Эренбурга, композитора Шостаковича, балерины Улановой и художника-возвращенца Коненкова.

Авторы письма жалуются, что «все чаще уходят из Франции за океан драгоценные реликвии русской культуры» и призывают министерство культуры СССР, главное архивное управление при совета министров СССР и Академию наук СССР «с большей энергией добиваться возвращения русских культурных ценностей на родину».

Речь идет об архивах, библиотеках, собраниях произведений искусства, хранящихся у русских эмигрантов.

Письмо это было опубликовано примерно в то время, когда стало известно о решении советского правительства сбросить за границу очередную партию произведений искусства.

Примерно в то же время, в начале 1967 года, в итальянской печати появилось следующее сообщение (цитирую по «Русской мысли»):

«Никита Хрущев не отказался от того итальянского портного, который шил ему костюмы в бытность его председателем совета министров. Он оплачивает свои заказы иконами и икрой. Последний костюм шил Никите два месяца назад, и портной получил пакет, в котором была икона и два килограмма икры. Портной уверяет, что он получил от Никиты 60 икон».

Действительно портной Анджело Литрико пригласил в свой дом фоторепортера и сфотографировался на фоне стены, увешенной русскими иконами.

Хотелось бы теперь спросить почтенного академика Капицу, а также и других, подписавших вместе с ним письмо, — не попадут ли русские культурные ценности, возвращенные по их настоянию на родину, снова за границу, но не к русским эмигрантам, не в университетские архивы, где хранятся немало ценных материалов — и, даст Бог, сохранятся для России, — а к вла-

дельцу лондонского обувного магазина в обмен на полдюжины пар ботинок для Брежнева или в парижскую галантерейную лавку в обмен на дюжину галстуков для Косыгина?

Все ведь может быть.

Письмо академика Капицы написано в связи с поисками во Франции и в других странах материалов по истории русской литературы, произведений русских художников 18-19 веков, различных архивов, о чем сообщали и «Литературная газета» и журнал «Огонек».

В «Огоньке» цитировалось письмо некоего В. Н. Звезгинцева к доктору искусствоведческих наук И. С. Зильберштейну.

«Вы не можете себе представить, — писал этот Звезгинцев, — какой камень спал с моей души после того, что благодаря Вам удалось все эти предметы вернуть домой, на Родину».

И письмо Звезгинцева и «парижские находки» Зильберштейна, и письмо академика Капицы — все это звенья одной большой акции, начатой несколько лет назад, а за последнее время заметно усилившейся, — акции по изъятию политических и литературных архивов, рукописей и книг, частных писем, картин, хранящихся у русских эмигрантов, а также в зарубежных архивах.

Словом изъятие я воспользовался не случайно, потому что в этой акции, что само собой разумеется, принимает деятельное участие заграничная резидентура КГБ.

Доктора искусствоведческих наук пишут проникновенные очерки и статьи о реликвиях русской культуры, о долге эмигрантов перед Россией, а заграничная агентура КГБ снабжает докторов информацией о том, где, у кого и что хранится.

И вот, одним пишут письма о долге перед Россией, другим, особенно нуждающимся, предлагают деньги.

Разумеется, не доктора, а КГБ не останавливается и перед прямым воровством, похищением.

Разумеется, архив весом в 25 тонн, собранный покойным Б. И. Николаевским и переданный Хуверовскому институту в Калифорнии на хранение, — не похитишь.

Но ценную или опасную для коммунистического режима книгу или рукопись изъять не так и трудно.

Мне рассказывали, что лет семь тому назад из ряда библиотек Европы и Америки исчезла «Молитва о России» И. Эренбурга, изданная в 1922 г. в Риге.

По сведениям, мною полученным, книга Эренбурга исчезла из Публичной библиотеки в Нью-Йорке, из библиотеки Колумбийского университета, из библиотеки Конгресса в Вашингтоне, из Национальной библиотеки в Париже, из библиотеки университета г. Хельсинки в Финляндии.

Надо полагать, что похищена из университетских и публичных библиотек далеко не одна эта книга.

Воровством, однако, многого не соберешь, и началась уже вполне благоприятная кампания по скупке архивов, рукописей, книг, картин.

Началась усиленная переписка с университетскими библиотеками и с русскими эмигрантами, архивы которых представляют особую ценность.

За границу выехали специальные эмиссары, один из которых, Зильберштейн, опубликовал в «Огоньке» и «Литературной газете» серию очерков о своих «находках»: о пушкинских реликвиях, об архиве художника Александра Бенуа, об архивах Б. И. Николаевского.

В очерках и статьях Зильберштейна нет ни «изменников нашей Родины», ни «грязных отщепенцев», ни «литературных подонков»...

А ведь как раз в то время, когда Зильберштейн публиковал свои очерки, «Известия» именно так называли видных зарубежных литературоведов проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова.

В очерках Зильберштейна никаких поношений, никакой хулы по адресу эмигрантов. Сплошной елей и филлиппы.

Покойный художник А. Н. Бенуа изображен Зильберштейном большим русским и чуть ли не советским патриотом.

Большим русским патриотом покойный, конечно, был, иначе он не ушел бы в эмиграцию, но что касается его отношения к врагам России — коммунистам, то об этом можно прочи-

ССКОМ Севере

А С А »

ные бары были снова установлены, а "Красу" я, слегка хлопнув по крупу ладонью, выслал галопом. Она с удивительной легкостью, без малейшего напряжения и колебания, перемехнула через оба препятствия, под которыми только что прошла.

Только вот горяча она была, когда разволнуется, и сидеть на ней надо было плотно. Мы с ней были слиты и она понимала мое каждое движение.

В Петербурге мы часто выезжали кавалькадой за город, и мои сверстники не раз пытались, сидя на хороших лошадях, обогнать "Красу" на рыси, и особенно на галопе. Куда там! "Краса", как вихрь уносила меня, вырвавшись из общей группы всадников. Гор она тоже не боялась — недавно она родилась на Кавказе, откуда она была вывезена одновременно с своей сестрой (точная ее копия) трехгодовалым жеребенком генералом Б. Одну лошадь генерал оставил себе, а другую подарил брату, тоже генералу, но уже в отставке, проживавшему в своем имении, недалеко от Боровичей, Новгородской губернии. Обе кобылы были хорошо выезжены.

Для пожилого генерала, большого любителя лошадей, "Краса" была чересчур шустр, а застоявшись, совсем делалась неподходящей. Генерал и задумал избавиться от этой чудной лошади и передать ее в хорошие руки.

Приехав в Новгородскую губернию на охоту, я решил

вместе и отправимся с визитом к генералу.

На том и стоворились. В назначенный день, захватив набитой за это время дичи для управляющего и для генерала, еду к управляющему, а затем с ним, на его же лошадях, к генералу Б., в имение. Везем в ограду громадного сада и прямо к помещицкому дому подкатили. Вышли нас встречать генерал, его жена, их дети и две гостивших у них прехорошенькие дамы.

Управляющий представляет меня, говоря: "лошадку приехали посмотреть!"

— Это очень мило с вашей стороны, — говорит генерал.

Отдав приказание подошедшему принять наших лошадей конюху, он ведет нас к беседке в саду, где уже накрыт большой стол для чая. Все за столом, без исключения, оказались очень симпатичными и мы быстро подружались. Я был в то время в форме воспитанника старшего курса императорского Александровского лицея. Нашлись, конечно, общие знакомые, начался непринужденный разговор. К чаю заботливой хозяйкой была подана масса всяких вкусных вещей. Аппетит у меня был молодой, и я отдал должное сдобным булочкам, ватрушкам и сладким пирожкам, и кексам, запивая все это чаем с лимоном и с хорошей порцией рома, влитой радушным хозяином. Не забыл и попробовать варенья разных сортов из северных ягод. Разве плохое было у нас варенье, например, из морошки?

Когда попили чайку и поговорили, то генерал пешнул младшему сыну и тот, тряхнув кудрями в знак того, что понял, умчался в направлении служб.

Скоро, услышав звук копыт по утоптанной дорожке, я обернулся и остолбенел. К беседке конюх подводил, под новеньким английским седлом и в уздечке, отороченной малиновой кожей, такую красивую лошадь, что я залюбовался.

Когда Карабах подвели совсем близко к нам, я, от избытка чувств, даже привстал. А генерал в это время говорит:

— Зовут ее "Краса". Ну как она вам нравится? Вот, полюбуйтесь ею и уж будьте добры, подыщите ей достойного покупателя у вас, в Петербурге.

А я слушал его как во сне и думал, что если лошадь так же хороша в езде, то я ее немедленно куплю!

"Краса", точно угадав, что я ею люблю, подняла свою изящную, породистую голову и медленно заржала, смотря на меня. Хозяйка дома, смеясь, говорит, обращаясь ко мне:

— Это она с вами кокетничает.

Я попросил разрешения взять сахар и, подойдя к кобыле, угостил ее. Она, обнюхав сахар, осторожно взяла его у меня с ладони и, не торопясь, принялась жевать. Я похлопал ее по мягкой гриве и, нагнувшись, поцеловал в нежную верхнюю губу. Точно какая то теплая волна прошла от меня к "Красе" и обратно ко мне. И стала она вдруг дорога мне, будто я ее уже давно знал, и она была моя собственность! А генерал и говорит:

— Раз "Краса" поседлава, то, может быть, вы ее попробуете и сделаете небольшую прогулку — это ей пойдет только на пользу! Она, бедняжка, мало мадона имеет.

А я уж был в седле и разбирал поводья. Конюх шепчет мне:

— Кобыла сильно застоялась, играть будет.

И верно. Только я двинул Карабаха вперед, как она уже рванулась и взвилась на дыбы, устроив несколько лансад. Я ее огладил и заставил идти шагом; затем пошел рысью, а потом пустил и галопом. Тут я понял почему почтенному генералу эта лошадь не подходила. Только проскакав полным карьером больше версты, "Краса" стала вполне слушаться повода и хорошо понимать чего я хотел от нее. До этого же ей хотелось только движения. Она, бедняжка, видимо, так мало выходила в поле и так мало была тренирована, что немного проскакав, была уже в пене, чего позже никогда не было: даже после бешеной езды она была всегда суха. Дав порезвиться девоч-

чай, чтобы у меня, когда был "Лисичкой" на "Красе", кто либо мог сорвать шарф с плеча. Для тех, кто не знает этой игры, кратко объясню: по жребию кто либо из группы всадников, в манеже, делается "Лисичкой", получает шарф, прикрывает его к плечу или затыкает за левый погон и отъезжает в сторону. По сигналу "Лисичка" удирает любым аллюром, а за ней гонятся два всадника. Нужно вырвать шарф у "Лисички". Если после нескольких минут этого сделать не удастся, то под аплодисменты, обычно на "Лисичку" выпускают еще двух всадников. На меня, на "Красе" бросались, с моего согласия, до шести всадников, но, благодаря ее подвижности и ловкости, ничего поделать не могли, и мы, обычно, получали приз из рук какой либо интересной дамы или барышни.

"Краса" точно понимала, что это игра, входила в азарт, помогая мне всячески изоцаряться в ловкости, когда нужно было, даже на дыбы становилась и круто поворачивала обратно, проскакивала между преследователями. Замечательно приятно было играть в эту трудную игру на такой умной лошади.

Ее все рассматривали, любуются, и, обычно, пичкали сахаром, и я долго блеял, пока не добился того, что "Краса" без моего разрешения сахар из чужих рук не брала.

По уму и преданности, я мог ее сравнить только с Карагезом, позже в Туркестане появившимся у меня.

"Краса" дружила с моими охотничьими псами, но в особенности с подвижным фокстерьером "Леди", которая приходила в конюшню ее навещать и оставалась около нее некоторое время. Правда, "Леди" всегда питала слабость к лошадям, но не ко всем. В Туркестане она ходила навещать и "Карагеза", но других жеребцов, стоявших в той же конюшне, боялась.

С "Красой" в деревне, в той же Новгородской губернии, произошел следующий эпизод. "Краса" каким то образом вырвалась из рук мальчика-конюха, когда тот выводил ее из конюшни. Вырвавшись, она поскакала в лес, недалеко расположенный, затем раздумала, повернула и пошла к крыльцу дома, куда обычно ее подвозили перед нашим выездом на про-

сил новый знакомый.

Мне уж очень не хотелось давать свою любимцу неизвестному наезднику, но из вежливости, а больше для радушных хозяев, пришлось побороть себя и ответить утвердительно.

Сев довольно сносно в седло, "лешотик", как я уже мысленно его прозвал, неожиданно сдвинул "Красу" ногами и дернул за поводья. Привыкшая к нежному обращению, "Краса" села на задние ноги, совсем оторопела, а затем получилось что то, неопишное. Прежде чем всадник что либо предпринял, кобыла выпрямилась и взвилась в воздух. При этом сделала такую лансу, что и хорошему седоку трудно было бы усидеть, но, а "лешотик", конечно, распустил ножки и был, через секунду, на земле, зарывшись головой в кусты с левкоями и резедой!..

"Краса" же, так легко избавившись от своего всадника, подошла и встала около меня. Ноздри у нее нервно вздрагивали, и была видна каждая жилка на ее трепетном теле. Она чуть слышно ржала, как бы жалуюсь мне. Похлопав ее по шее, успокоил и отвел в сарай, где и привязал.

Проходя мимо балкона, заметил, как хорошенькие барышни прятали свои улыбки, прикрываясь платочками или букетиками душистых цветов.

Так и вижу "Красу", с горя-

жа и окончательно теряет рассудок. Февронии удается пробудить в душе Гришки желанные молитвы, разум его проясняется, Гришка и Феврония молятся вместе. Композитор с чуткостью создает момент этой общей молитвы, последнюю страницу подвига Февронии. Но на устах грешника молитва мало-по-малу теряет смысл, Гришка вновь впадает в безумие — он видит беса и поклоняется ему в дикой пляске и песне с присвистом. В этой сцене безумного служения нечистой силе музыкальная тема достигает исключительного выражения, принимая искаженный, уродливый отпечаток. Наконец, Гришка Кутерьма с отчаянным воплем убегает, и тогда, по молитве Февронии, совершается пресобрание земли и всей земной природы. Подвиг девушки кончен, и, созерцая радостное претворение во круг, она предает себя смерти — счастливому, долгожданному отдыху — «Приходи моя смертушка, гостыюшка моя желанная!»...

Призрак княжича Всеволода является Февронии и увлекает ее за собой. Эта встреча влюбленных музыкально продолжается и углубляет их встречу в чале оперы. Музыка светлеет, становится все прозрачнее и заканчивается мистической молитвой — прощанием уходящих с землей. Феврония входит в преддверие невидимого

КНИГИ АНДРЕЯ СЕДЫХ

ПРОДАЮЩИЕСЯ НА СКЛАДЕ Н. Р. СЛОВА:

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

(Путешествие по Св. Земле) — \$4.50

ДАЛЕКИЕ, БЛИЗКИЕ

(Воспоминания) — \$4.00.

ЗАМЕЛО ТЕБЯ СНЕГОМ, РОССИЯ

(Рассказы и серия очерков «Под небом Испании» — \$4.00

ТОЛЬКО О ЛЮДЯХ

(Рассказы) — \$3.00.

СУМАСШЕДШИЙ ШАРМАНЩИК

(Рассказы) — \$3.00.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ ОКЕАН

(Путешествие в С. Штаты) — \$2.50.

— Цена включает стоимость пересылки —

Заказы следует адресовать по адресу:

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

243 West 56th Street, New York, N. Y. 10019